

Жизнь и смерть Ивана Ильича Головина

The life and death of Ivan Ilyich Golovin

Андреев А.Н.

д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГБОУ ВО МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ), Москва
e-mail: andreev58@gmail.ru

Andreev A.N.

Doctor of Philological Sciences, Professor, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University)
e-mail: andreev58@mail.ru

Пилюян М.Г.

доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин Московская государственная академия водного транспорта – филиал ФГБОУ ВО «Государственный университет морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова
e-mail: piloyan.ma@mail.ru

Piloyan M.G.

Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping
e-mail: piloyan.ma@mail.ru

Аннотация

Авторы раскрывают замысел Л.Н. Толстого при написании знаковой для него повести «Смерть Ивана Ильича», в которой отражена самая простая и обыкновенная, но и самая «ужасная» жизнь «лучших» людей России. Экзистенциальные мотивы здесь сочетаются с мотивами социальными и духовными. Показан основной здесь стиливой прием – сосредоточение на ключевых нравственно-психологических механизмах жизни и гибели героя.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, жизнь, смерть, «лучшие» люди, нравственно-психологический механизм, духовность, бездуховность.

Abstract

The authors reveal the idea for writing the landmark for L. Tolstoy's story "The Death of Ivan Ilyich", which reflects the most simple and ordinary, but also the most "terrible" life of the "best" people of Russia. Existential motives here are combined with social and spiritual ones. The main style reception is shown here - focusing on the key moral and psychological mechanisms of the hero's life and death.

Keywords: L.N. Tolstoy, life, death, the "best" people, the moral and psychological mechanism, spirituality, lack of spirituality.

Повесть Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» является знаковой для ее автора. Взгляды Л.Н. Толстого на жизнь выразились в ней ярко, внятно и впечатляюще. Толстой обращается к «самой простой и обыкновенной жизни» – жизни, которой живут все «лучшие» люди России, образованные, культурные. «Прошедшая история жизни Ивана Ильича была самая простая и обыкновенная и **самая ужасная**». Жизнь, которой живут все, – причем,

избранные все — ужасна, порочна в своей основе — вот что является главным «предметом» Толстого.

Сразу же обратим внимание: из только что полностью процитированной фразы явственно виден «указующий перст» того, кто взял на себя право, смелость и ответственность судить о том, что является подлинным добром и злом для человека. Перст этот — постоянно, демонстративно указующий — принадлежит повествователю, образу автора, который в этой повести, вероятно, во многом напоминает самого позднего Толстого. Дидактическая, наставительная, почти библейская интонация необходима Толстому для создания и оценки требуемой концепции личности.

Как же изображает Л.Н. Толстой «обыкновенную» и в то же время «ужасную» жизнь личности?

Для того, чтобы отобразить заурядную, рутинную, ничем особо не примечательную жизнь, Толстой избирает чрезвычайно оригинальный, емкий, соответствующий сразу всем художественным задачам стилиевой прием: писатель сосредотачивается не на отдельных сценах семейной, служебной и прочей жизни, а на ключевых **нравственно-психологических механизмах**, определяющих закономерности соответствующей стороны жизни. Механизм поведения как таковой интересует повествователя. Несколько звеньев механизмов — вот и все, что считает важным и нужным сообщить повествователь о всей жизни своего героя — до того момента, пока сам смысл и способ такой жизни не довели героя до гибели.

Но затем **при помощи этих же механизмов** Л.Н. Толстой довольно детально показывает процесс умирания — и одновременно превращение этого процесса в процесс нравственного оживания. В конечном итоге, смерть Ивана Ильича оборачивается торжеством жизни над смертью, духовного над телесным. Обратим внимание: одни и те же психологические механизмы реализуют разные духовные задачи. Смысл приема еще и в том, чтобы подчеркнуть противоречивое единство человека, показать: в нем есть все, чтобы быть кем угодно. И то, кем человек становится, зависит от многих причин, но прежде всего — от него самого. Л.Н. Толстой, дав человеку все, возлагает на него ответственность за то, кем тот решается быть.¹

Вот почему в первой главе лицо покойного Ивана Ильича «было красивее, главное — значительнее, чем оно было у живого». В лице отражен результат происшедшей напряжённейшей внутренней борьбы. «На лице было выражение того, что то, что нужно было сделать, сделано, и сделано правильно. Кроме того, в этом выражении был еще упрек или напоминание живым». Однако сослуживцы покойного не захотели вдуматься в смысл упрека или напоминания. Круг замкнулся. И следующий «ильич» будет так же в одиночку сражаться со смертью, а жизнь его будет по-прежнему «простой, обыкновенной и ужасной». В том и заключается сверхзадача повествователя (а с ним и автора), чтобы помочь разорвать этот порочный круг, чтобы тайно пережитую трагедию сделать явной — и тем самым попытаться спасти живых людей при помощи «искусственного», «рукотворного» произведения. Духовная сверхзадача Л.Н. Толстого представлена в художественной форме. И только эстетический анализ повести поможет выявить ее многогранную духовную содержательность.

Итак, проследим за кругами ада Ивана Ильича. Наш герой с самого начала жил как все: «легко, приятно и прилично». При этом он строго исполнял «то, что он считал своим долгом; долгом же он своим считал все то, что считалось таковым наивысше поставленными людьми». Таким образом, выполнять долг — и означало жить «легко, приятно и прилично». Со временем Иван Ильич стал думать, что этот «характер жизни» «свойственен жизни вообще», а не только его жизни.

Однако Ивана Ильича настигло смертельное заболевание, и началось оно с «обыкновенного», но «ужасного», как потом выяснится, ушиба: он ударился о те самые вещи, которые так упорно наживал, чтобы быть как все. Этот сюжетный ход как раз и

---

¹ Подробнее о социально-экономической ситуации в период написания повести и жизни ее героев см. [3; 4; 5].

«доказывает правоту» повествователя. Содержание повести не ограничивается критическим отрицанием элементарной программы человеческого существования, но показывает духовный переворот, ведущий к нравственному прозрению, к Истине.

Путь Ивана Ильича – постепенное осознание окружающей его тотальной лжи и понимание того, что он жил как все – лгал как все. Но одно дело – видеть порочность своих прежних идеалов, и совсем иное – решительно отрицать их. Иван Ильич Головин попал в трагический вакуум: былые идеалы изжиты до конца, а новых пока нет.

Казалось, из трагического противоречия выхода нет и не может быть (в предлагаемой материалистической системе отчета). Но бессилие разума в нематериалистической системе ориентации означает вселение чего-то другого. Когда все было учтено, и разум не мог подсказать достойного выхода из трагического тупика, Головин терпит последнее – и спасительное! – поражение. «**Вдруг** какая-то сила толкнула его в грудь, в бок, еще сильнее сдавило ему дыхание, он провалился в дыру, и там, в конце дыры, **засветилось** что-то». Ивану Ильичу «**открылось**, что жизнь его была не то»; ему «**стало жалко**»; «вдруг ему **стало ясно**, что то, что **томило** его и не **выходило**, что вдруг все **выходит сразу**, и с двух сторон, с десяти сторон, со всех сторон». Безличные конструкции подчеркивают иррациональность, непостижимость произошедшего (вдруг!). Разум капитулировал перед чудом сверхъестественного обновления, прикосновения к непостижимой истине. Иван Ильич умирает с радостью, отрицающей ужас смерти. Радость от воспринятой «откуда-то» истины. А истина состоит в том, что Иван Ильич, наконец, отвергает бездуховную ориентацию (жить легко, приятно и прилично) и познает такую жизнь (пусть на мгновение), после которой и умирать не страшно. «Он втянул в себя воздух, остановился на половине вдоха, потянулся и умер».

Он умер на половине вдоха, задышав полной грудью. Но если один Иван Ильич смог победить смерть (точнее: нашел рецепт победы), то все остальные наверняка смогут рано или поздно нравственно ее преодолеть. Иван Ильич умирает как герой, жертвуя своей жизнью во имя других: вот откуда такой «светлый» финал. Это, конечно, героика религиозного, жертвенного, сострадательного типа. В финале двенадцатой главы Иван Ильич умирает уже без имени, без фамилии и без отчества. Начиная с того момента, как «Иван Ильич провалился, увидал свет», он перестал быть Иваном Ильичом Головиным. Он будет назван еще тридцать три раза, но только при помощи, главным образом, личных местоимений (преимущественно третьего лица) в разных падежах. Он стал просто человеком, всечеловеком, умершим за всех остальных людей. Параллель с Иисусом Христом здесь очевидна.

Но художественная логика произведения – не линейная, одномерная логика. Последняя точка может и не совпадать с истинным финалом. Архитектоника повести во многом заставляет подкорректировать финал. Первая глава повести, по существу, есть и последняя глава, т.е. тринадцатая. Толстой и формально, и по существу замыкает круг повести: композиционный и смысловой.

Гроб с телом героя, у которого на лице последняя печать торжества над смертью, окружают сатирические персонажи. Нравственный опыт героя не востребован ими, не нужен им. Вещи по-прежнему показывают свою цепкую власть над хозяевами; и повествователь по-прежнему смеется горьким сатирическим смехом (настолько горьким, что почти не смешно) над близкими и сотоварищами достойно усопшего. Начало повести, как ни странно, изрядно омрачает ее оптимистический финал. Но у начала всегда есть конец – оптимистический, как мы помним, конец. Диалектическое совмещение в человеке противоположных начал и невозможность победы без привкуса горечи – такой подход к жизни и человеку позволяет Л.Н. Толстому создать гениальный реалистический шедевр.

Литература

1. Текст цитируется по изданию: Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Том 26. Произведения, 1885–1889. М. 1936.
2. Андреев А.Н., Кащенко Т.Л. Гносеология одной шутки, или нешуточная гносеология (на материале романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин»)// Журнал филологических исследований. – 2018. – Т. 3. – № 4. – С. 12–17.
3. Гладков И.С., Зорина И.Ю. Генезис российской промышленности//Региональная экономика: теория и практика. – 2008. – № 34. – С. 81–86.
4. Гладков И.С., Зорина И.Ю. Развитие российской промышленности в XIX – начале XX веков // Региональная экономика: теория и практика. – 2009. – № 5. – С. 72–76.
5. Гладков И.С., Пилюян М.Г. История мировой экономики: Научное издание/2-е издание. – М.: ИЕ РАН, Проспект. 2016. – 384 с.
6. Кащенко Т.Л. О ценностях молодежи с позиции реализма//В сборнике: Молодежь в современном обществе Сборник материалов Всероссийской заочной научно-практической конференции. Под ред. С.А. Бурилкиной, Б.Т. Ищановой, О.Л. Потрикеевой, Е.Н. Ращичулиной, Г.А. Супруненко. – 2015. – С. 123–128.
7. Кащенко Т.Л., Положенцева И.В., Пилюян М.Г. Феномен исторической памяти в XXI в//Журнал исторических исследований. – 2019. – Т. 4. – № 1. – С. 46–50.
8. Пилюян М.Г. Домашнее образование дворянок как важнейшая составляющая женского образования в России: исторические особенности//Журнал исторических исследований. – 2018. – Т. 3. – № 3. – С. 42–48.
9. Пилюян М.Г. Зарождение женского образования в Российской империи//Журнал педагогических исследований. – 2018. – Т. 3. – № 3. – С. 1–7.
10. Пилюян М.Г. Формирование организационных принципов системного развития науки и образования в России по идеям Г.В. Лейбница // Журнал исследований по управлению. – 2018. – Т. 4. – № 7. – С. 68–75.